

ЛЮДМИЛА ДУДКА

Стрелы ангелов

РАССКАЗЫ

Людмила Дудка
Стрелы ангелов. Рассказы

«Издательские решения»

Дудка Л.

Стрелы ангелов. Рассказы / Л. Дудка — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834223-3

Если приблизиться к раненому животному, оно поведет себя непредсказуемо.
Люди с эмоциональными ранами поступают так же. Марк Гангор

ISBN 978-5-44-834223-3

© Дудка Л.
© Издательские решения

Содержание

Человеческое кладбище	6
Все будет чики – пуки!	9
Странная инфекция	13
Петровна	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Стрелы ангелов Рассказы

Людмила Дудка

© Людмила Дудка, 2018

ISBN 978-5-4483-4223-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Человеческое кладбище

Скособоченный домишко бабы Шуры стоял на отшибе деревеньки, его трудно и домишком – то назвать, потому как был он весь латаный, хлестанный – перехлестанный дождями и ветрами, но больше всего годами, и сколько ж ему лет и зим, сама хозяйка этого видавшего виды строения уже и не помнит, как не помнят жители этой богом забытой деревеньки, сколько ж лет самой почтенной женщине, и не потому не помнят, что невнимательные, а уж больно строга и нелюдима баба Шура, даже когда подворный обход по переписи населения делали, – приезжали из соседней деревни молодухи, – баба Шура так их шуганула... мало не показалось. Никто толком и не знал, как она живет. К магазину выходила редко, затаривалась, как тут говорят, на месяц... и еще месяц ее никто не видел. Вообще, на нее давно махнули рукой – малахольная, одним словом, некоторые, когда речь заходила о старожилке/так с некоторой даже злобой называли ее люди, годами лет на сорок помоложе/, покручивали пальцем у виска: что, мол, с нее возьмешь – нелюдимка, дикарка...

Но с соседней деревни почтальонка, которая носит почту уже почитай лет тридцать, раз в месяц приносила почту бабе Шуре/вот читала малахольная много, раз в месяц ей газеты приносила почтальонка и книги из библиотеки /, с ней же только и общалась старушка – о чем уж они говорили, никому то было не ведано, да уж если справедливо говорить, то никому это неинтересно было: общались и общались. Ту почтальонку не очень – то и любили в деревне, хотя была она добросовестная, газеты и пенсии разносила исправно и ходила, кстати, из соседней деревни пешком, но вот не любил ее народ – тоже молчунка была, на разговоры и тары – бары неохочая, а женщинам мед пить не надо, а новости узнать хочется. Много лет назад пытались было что – то у нее узнать о бабе Шуре, да рукой махнули: молчала почтальонка, как партизанка.

Бабы все кумекали, куда ж это малахольная свою пенсию деваает. Вот что они знали точно, так это то, что у бабы Шуры никого на белом свете из близкой родни нет – умерли все: и дети, и... о внуках никогда слыхом никто не слыхивал, да и внукам-то, если прикинуть, должно быть где-то около пятидесяти. На день Победы каждый раз пытаются ее поздравить, но она никого во двор не пускает – почти вся ее семья, говорят, в годы войны погибла, а кто уцелел, после войны умер. Вообще, история эта покрыта мраком; ясно, что трагедия, но никогда баба Шура об этом ни с кем не говорила, а за последние 25 лет из деревеньки, которую так назвать-то трудно, многие уехали, а приехали средних лет фермеры, которых история и чьи-то трагедии вообще не интересовали.

Так и получилось, что с годами о бабе Шуре редко и вспоминали, разве что в те дни, когда видели ее на кладбище, которое тоже с годами стало не то чтобы неухоженное, а какое-то сиротское что ли... заросшее, но малахольная за могилками своими ухаживала тщательно, а кто уж там был похоронен, уж никто и не помнит, потому как никаких опознавательных знаков на крестах и маленьких надгробиях написано не было – безымянные, одним словом. Но уж баба Шура – то, конечно, знала, кто там похоронен, и память о тех людях берегла истово и свято. Хотя вот насчет святости тоже вроде как неувязочка: часовенку маленькую поставил лет десять назад молодой фермер, так туда баба Шура ни ногой... Телевизор у нее был, во дворе живности никакой. Нет, коты этот двор любили – точно, потому как было их здесь великое множество. Жили они в почти развалившихся сараюшках и любили, говорят, свою хозяйку за щедрость. Кошек она кормила, ласково с ними разговаривала – заговоришь тут, если с людьми не общаться, так хоть кошки за собеседников сойдут...

Никто уже и не помнил, да и помнить в деревеньке уже некому – поразъехались почти все, а тут живут в основном пришлые, чужаки, – так вот никто не помнит, с какого это периода баба Шура обиделась на весь белый свет, кто-то еще помнил, что до работы она была бедовая,

аккуратная, статная была женщина, а потом то ли череда потерь ее так отвернула от людей, то ли еще какие причины, да только жила она теперь, скособочившись от всего мира, на нее давно махнули рукой – малахольная, одним словом.

А тут по весне из соседней деревни, там школа, приехали на велосипедах подростки лет по двенадцать – тринадцать – все они говорили, что какую-то историю пишут: про деревню ли или о людях решили написать – толком никто и не вникал. Как уж им удалось размягнуть сердце бабы Шуры, не понятно, да только она впустила их во двор. День был солнечный, теплый, один из апрельских, коты нежились под солнцем, а бабушка, как ее ласково называли дети, о чем-то неторопливо расспрашивала школьников, они тоже задавали вопросы, но и она не уступала – видно, соскучилась по общению – а тут дети, как ангелы... И они что-то рассказывали ей, махали руками, заливисто смеялись, удивлялись, что ей уже за 90 лет и разве можно так долго жить на свете. Бабушка подслеповато шурилась от солнца, улыбалась черным от времени беззубым ртом, который тщетно пыталась прикрыть маленькой, сухонькой, сморщенной ладошкой, и даже... смеялась, тонко так, как смеются маленькие дети. Она и в самом деле походила на ребенка – как же этого не замечали окружающие? А вот дети сразу отметили про себя, что бабуля похожа на ребенка.

Что удивительно, эти два поколения быстро и легко нашли общий язык. Хозяйка даже пригласила детей в домишко. Девочки сразу взлетели на крылечко, а мальчишки – с опаской. В комнатках у бабы Шуры было чисто, аккуратно, на стареньком диванчике, на больших подушках – всюду вышитые салфеточки разных цветов – уютно так, это даже дети отметили. За чаем разговор продолжили. Девчонки рассказывали об успехах в школе, Таня вот отличница, гордость школы, а Настя – спортсменка, мальчишкам, правда, похвалиться особо нечем было, зато они с восторгом поведали о том, что родители им купили компьютеры и как все теперь классно стало. Потом все вышли на улицу, девочки уже записали в тетрадки, как живет бабушка, сколько ей лет, как пережила войну...

И вдруг Игорь спросил: «А как же вы тут одна? Где ваши родственники?» А баба Шура только рукой махнула: «И, сынок, какие такие родственники – никого у меня уже нет на белом свете». В этот момент из сарая, рядом с которым стояли дети, послышалось жалобное мяуканье – девчонки ринулись туда и вынесли двух маленьких слепых котят, те отчаянно и жалобно плакали, беспомощно тыкаясь мордочками в руки девочек... Вот откуда – то прибежала кошка, выюном закружилась вокруг детей, замякала жалобно – тоскливо. Этого баба Шура вынести не могла. Она забрала у Насти и Тани котят и понесла их назад в сараюшку, кошка шмыгнула за ней...

Во дворе стало тихо, и тогда старший мальчик, тринадцатилетний Олег, сказал, в раздумье глядя себе под ноги: «А должно быть, пенсия у нее аховская, вон ей сколько уже лет, и для кого это она деньги копит, если у нее никого нет, наверно, под подушкой прячет». «Ребята, что вы делаете!» – крикнула Настя, но мальчишки на нее прикрикнули, и она замолчала. Игорь деловито закрыл на засов сараюшку и махнул рукой, чтобы остальные шли за ним.

В домике дети перерыли все: сбросили с кровати подушки, перевернули диван, вытащили ящики комода, а деньги – три тысячи рублей – нашли под клеенкой на кухонном столе, Игорь разочарованно протянул: «Фигня это, а не деньги, да мой отец, когда идет в магазин, меньше двух тысяч за один раз не тратит. Где-то у бабули еще есть захоронки». Но девчонки уже выбежали из домишки, вылетели пулей со двора, сели на велосипеды... Мальчишки еле догнали их. К деньгам Настя и Таня не притронулись больше, все отдали Игорю и Олегу и так же продолжали ходить в школу, такие чистенькие, ухоженные, правильные девочки.

А бабу Шуру нашли в сараюшке через несколько дней мертвой, почтальонка и забила тревогу. Не понятно было, отчего умерла она, засов этот, если поднатужиться, можно было выбить, но то ли силы у старушки были уже не те, то ли коварству детишек так изумилась она, то ли была еще какая причина, только никто доискиваться до причин не стал – не было

признаков насильственной смерти. Вспомнил один из фермеров, что видел детские велосипеды у забора, даже в школе узнали, кто именно из детей был в гостях у бабы Шуры, только дальше расспросов дело не пошло. Выяснилось, что Игорь был сыном бизнесмена со связями. С детьми побеседовали строго, мальчишек даже дома выпороли, и родители запретили с кем – либо об этом разговаривать.

Бабу Шуру похоронили скромно, даже толком не помянули. А почтальонка после этого случая отказалась наотрез сюда почту носить. Тоже не велика беда: почту теперь подвозят, так фермер распорядился, тот, который часовенку построил.

Месяца через три в деревню приехали корреспонденты центральной газеты, оказалось, что почти тридцать лет баба Шура большую часть своей пенсии через почтальонку переводила на счет специнтерната для лежачих детишек, и находился-то этот интернат всего – то в каких – то пятистах километрах от деревеньки. И еще выяснилось, что в годы войны снаряд угодил в ее дом, она в это время корову доила в сарае, погибли и сестры, и мать, на брата и отца похоронки пришли в конце войны. А этот домишко ей достался по наследству от умершей тетки. В годы войны она много работала, тогда женщины всю мужскую работу выполняли, тяжести приходилось поднимать, вот деток и не было, муж после контузии прожил недолго.

А в школьном музее теперь оформили стенд, рассказывающий о судьбе скромной труженицы, героической женщины Александры Ивановны Захаренко. Фермер же, Иван Алексеевич, установил на могиле бабы Шуры маленькое надгробие, так что среди многих могил, за которыми она ухаживала, хоть одна есть именная. И ничего вроде бы в округе не изменилось, хотя нет, вспомнила: Таня победила в районной олимпиаде по русскому языку, написала грамотное, проникновенное сочинение о милосердии – его напечатали в газете...

И вот еще... фермер прислал рабочих, и те почистили кладбище, теперь оно не запущенное, не заросшее, а какое-то человеческое... что ли, хотя можно ли так говорить о погосте – уж не знаю... Только могилки теперь ухоженные, и везде, где можно, написано, кто где покоится в этой земле.

Все будет чики – пуки!

Говорят, что у каждого человека есть своя жизненная тропка, по которой он худо-бедно двигается, шагает твердо, уверенно, а, может быть, ползет, задыхаясь от удушья. Тропа, конечно, бывает разной, и никто не застрахован от падения и ушибов, от ошибок ценою в извинение, в потерю здоровья или ценою в жизнь. Такой вот расклад получается. Вот об этом Санька постоянно и думал долгими ночами, когда прокручивал мысленно свою непутевую жизнь, как киноленту. И почему у других все так складно выходит? Вот ведь одноклассник Мишка Порыцаев звезд в школе с неба не хватал, а подишь ты, коммерсант, черт его дерит, сопля... Драться никогда не умел, за себя постоять не мог, а теперь первый человек в их захудалом долбанном городишке. Машина у него как танк, а дворец? И жена – просто модель! Чего она в Мишке-то нашла? Росточком – тьфу ты, сморчок, да и только, а теперь такой важный, толстый, чистый колобок. Но катится этот колобок по своей жизненной тропке как-то так удачно, плавно, дорога у него ровная, без колдобин.

У-у, как ненавидел Санька Мишку, хотя, если уж начистоту, то Мишка даже помогал ему, по крайней мере не кичился ни богатством, ни нынешним положением в городе. Все это так, но именно поэтому его Санька больше всего и ненавидел. А что у Саньки? Юлька, первая в городе красавица, после трех лет семейной жизни бросила его и уехала в столицу, где вскорости очень удачно определилась. Планы-то у Саньки были огромные – куда там!.. Аттестат был хороший – маман подсуетилась, если бы кто из одноклассников увидел тот аттестат, ахнул: там одни пятерочки и четверочки, хотя учился Санька не ахти как, зато поступил в престижный вуз. Тут уж подсуетился батя – у него связи в универе, опять же на лапу дал кому надо, все схвачено было. Правда, учеба сразу как-то не заладилась... Но родители для единственного сына сделали все, что могли... А деньги в этой бандитской стране могут многое.

Санька в армии, в отличие от Мишки, не служил. Нашли дурака – долг родине отдавать. Ничего он никому не должен! Какой родине? Это все училка по литературе распиналась про патриотизм, а сама в одной юбке по полгода ходила, вечно сумками дурацкими с тетрадями обвешана... С таким пафосом стихи читала! Призывала быть честными, милосердными, а у самой глаза как у побитой собаки, и муж от нее сбежал, наверно, не вынес учительского напряжения. Распиналась дура в своей школе: «Деточки, перед вами весь мир, дерзайте!» А чего ж сама – то не дерзала? Просидела в этой школе, состарилась раньше времени, злая стала...

И чего он школу эту дурацкую вспомнил? И нужна ему эта училка? А вот как назло, как ему в чем-то не повезет, так и вспоминаются ее елейные словечки: «Детки, жить надо по совести». Да пошла бы она со своей совестью: первое, что он сделал, когда окончил школу и получил аттестат, так это сжег все тетради, которые она так тщательно и придирчиво проверяла. Вот уже двенадцать лет, как он не заходил в школу, не приходил ни на один вечер встречи выпускников. Видеть никого не желает! Тошнит и от школы, и от учителей, пропахших нафталином!

А все начиналось так славно! Университет кое-как добил, практически не появляясь на занятиях. Но все было чики – пуки! Жил на широкую ногу в большом городе, квартиру родители купили любимому чаду. Ох, и погулял он тогда! Хорошее было время! Сколько попили с друзьями! А сколько девчат перебивало в его постели!.. Первый облом случился, когда его привлекли за наркоту – да было бы за что! так, баловались... Он прошел просто свидетелем – батя отмазал, но в ухо Саньке врезал, несмотря на то, что сыну уже было за двадцать.

Пришлось в спешном порядке возвращаться в родной городишко, начинать заниматься каким-нибудь делом. Отец куда только ни пристраивал Саньку – все у него не ладилось. Ну, не везло ему: начальники – сволочи, а работать Санька не привык. Потом батька взял его в свой бизнес, тут тоже как-то не заладилось. Вот пить он бросил после того, как чуть не насмерть задавил женщину – все обошлось, но он струхнул тогда капитально: ужасный визг тормозов

и... думал, что у самого сердце остановится. Но обошлось. У тетки той ушибы были сильные, но маман организовала лечение, путевочку в санаторий, денегат тетке подкинула, и все чики – пуки.

А потом Санька влюбился, втрескался капитально, напрочь... Что интересно – Юлька была его одноклассницей, все годы, что они вместе учились, он никогда не обращал на нее внимания, мало того... просто недолюбливал, потому что училась она на отлично, вот была вся такая аккуратенькая, правильная... На классных собраниях вечно критиковала Саньку и за учебу, и за поведение...

Но именно эта девушка и перевернула всю его жизнь. Раньше они никогда не симпатизировали друг другу. Как же, отличница, гордячка и задавака! Она не жаловала его своим вниманием. А после института Юлька приехала работать в родной город. Это было несколько лет назад. При редких встречах дальше дежурного «привет» дело не шло.

А однажды тропинки их жизненные пересеклись-таки. В ресторане было шумно, весело, Санька с компанией отмечал свое 25-летие. Гуляли широко, комфортно, спиртное лилось рекой, много танцевали, шутили, смеялись... Он заметил в конце зала знакомых девчат-одноклассниц. Они чинно и благородно пили кофе, о чем-то оживленно беседуя, не обращая внимания на окружающее празднество. Вообще, Санька поначалу хотел пригласить девчат к своему столику, потом передумал... хотел просто подойти и угостить бывших одноклассниц шампанским... но и от этой мысли отказался. Как вдруг заметил, что от соседнего столика в сторону девчат, пошатываясь, пошел местный Казанова неопределенных лет. Он пригласил Юльку танцевать. Как же! Пойдет она танцевать с пьяным!.. Так и получилось. Гордо плечиками повела, фыркнула и отрицательно кивнула головой.

Казанова прилюдного позора не стерпел и грязно выругался. Нет, вот этого простить ему Санька не мог. Все что угодно мог стерпеть, но только не оскорбления этой девчонки, которой гордилась школа, в которую тайно были влюблены почти все мальчики их бывшего 11-А класса.

Санька давно заметил за собой такую странную особенность – умение мысленно сгруппироваться и совершить поступок. Э, да что там вспоминать – он заставил пьяного донжуана так же прилюдно извиниться перед Юлькой. О, это была еще та сцена!..

Юлька сломала его, приступом ее взять не получалось. Ухаживал долго, красиво, дорого ухаживал, такие подарки дарил... После свадьбы, на которой гуляло все начальство города и бабкины крутые друзья, въехали они с Юлькой в подаренный дом. Когда Юлька была на третьем месяце беременности, он избил ее. Поругались, поскандалили, а ей бы помолчать, так нет – вещи стала собирать, обозвала его тунеядцем, сидящим на шее у родителей, и крапивой на заброшенном поле... Он и врезал ей. Синяк разлился по лицу страшный. У Юльки истерика, выкидыш. Тьфу ты, черт, слово какое дурацкое – выкидыш! А потом Юлька наотрез отказалась беременеть, все предохранялась. Три года они промучились, когда однажды он пришел домой, а на столе записка: «Да пошел ты!..» Надо же, интеллигентная была девочка, отличница, экономист по образованию, красавица... и вдруг такие слова.

Ох, как стыдно и больно было тогда Саньке! Перед друзьями стыдно. Ничего Юлька с собой не взяла – гордая! А Мишке-заразе повезло с женой. Ему, вообще, везет: троих пацанов родила ему Наташка. Дети такие чистенькие, ухоженные, воспитанные... Санька был у Мишки как-то в гостях. Все прямо так чинно и благородно. Да нет, он не завидует, но злость все ж есть. Чем он, Санька, хуже Мишки? Тот теперь еще и депутат. Уважаемый человек в городе. А Саньке патологически не везет. Открыл при помощи бати свою строительную фирму. Вроде бы и коллектив неплохой подобрался, но что-то застопорилось с заказами, с тендерами... Хватки у Саньки не было. Это так батя считает.

Живет Санька не с родителями, а в том же доме, где начиналась его неудачная семейная жизнь. Были еще у него попытки обрести семейное счастье, но все какие – то неудачные.

С Юлькой сравнивал, и это сравнение, эту конкуренцию не выдерживали другие бабы. Вот ведь, зараза, как он прикипел к ней. Ему бы тогда броситься разыскивать ее, может, и удалось бы вернуть назад: ведь любила же она, когда замуж выходила! А он тоже в позу стал. Юльку потерял окончательно.

В доме красиво, вроде уютно, мать постаралась, чтобы у сынка все было чики – пуки... А как-то неуютно на душе у Саньки, одиноко. А тут еще Мишка-поганец предложил ему, своему однокласснику, стать крестным отцом у младшего сына... Мишка этот как укор Саньке. Родители у него алкаши были, сам Мишка в школе вечно голодный ходил, в столовке Санька отдавал ему свою порцию и отворачивался – ну не мог он спокойно смотреть, как давится Мишка, заглатывая пшенку с котлетой. Его в школе обижали, мелкий был ростом, драться совсем не умел, а Саньке жалко его было, приходилось заступаться, потому что батька как-то рассказал, что Мишка в раннем детстве серьезно болел, врачи уже отчаялись вылечить его, и он, батя, помог тогда с лечением. У Мишкиных пьющих родителей денег на здоровье сына не было.

Вообще, Санька знал за своим отцом слабость: тот был жалостливый, людям часто помогал, хотя мать и пилила его за это, она была посуровее в этом отношении. А батя, при всей его жесткости, имел сердце – так о нем говорила бабушка. Его уважали в городе. Батя очень переживал, что у его непутевого сына все наперекосяк выходит, что деньги, которыми он оплачивает очередные наполеоновские планы сына, идут прахом. Строительная фирма разваливается на глазах, люди стали уходить в фирму конкурентов. И вот Санька уже который день не в себе, все о жизни думает и сам себе удивляется: это когда ж такое было, чтобы его мысли такие посещали, прямо философские, черт возьми, все Санька мучается над вопросом, почему ему не везет...

А что это говорил вчера ему отец? Но сын не слушал, так как горько напился после пятилетнего зорка. Он на большую голову все пытался поймать нить разговора с отцом... Что же он говорил?... О, вспомнил! Отец видел училку в поликлинике, ему не понравился ее вид, сказал, что она серьезно больна, а от ее бывших коллег узнал, что те собирают ей деньги на операцию, да и не факт еще, что эта операция поможет.

И зачем он сказал это сыну? Ведь знал, сколько крови она попила у Саньки! Постоянно названивала родителям, жаловалась, оставляла после уроков, заставляла переписывать классную работу... Эти дурацкие нравоучения, советы, а теперь вот заболела, и спровадили ее из школы вместе с советскими лозунгами о долге, чести, совести, вот еще вместе с ее патриотизмом. Эх, каждый только за свою шкуру и печется, а она застряла где-то на рубеже веков. Он еще в прошлом году слышал, что у нее не складывались отношения с директором: все лезла, наверно, с своими советами, правдоискательница... Наверно, не только учеников, но и коллег своих достала! Дура! Ох, как он сейчас был зол на нее! Сколько лет прошло, обида детская так и осталась. А вот Юлька ее боготворила – как же, отличница! В гости к ней домой ходила, они часами могли общаться. Он потом, кстати, узнал, что училка отъезд Юльки не одобрила, говорят, что сказала, мол, поломают судьбы оба себе, так как такая любовь шрамы на всю жизнь оставляет. Ну, не знает Санька, как там у его бывшей, поговаривают, что счастлива, вроде замужем, а вот только у него без нее стежка эта самая, судьбы тропиночка, все с ямками да изгибами – муторно на душе, иногда завыл бы с тоски. Баб кругом полно, дом, машина, а в доме том Юльки нет...

Он вспомнил нехстати, что постоянно сравнивал Юльку с училкой – ну, просто рок какой-то! В дневнике у него каждую неделю эти дурацкие тупые записи: «Не учил, не готов к уроку, сорвал урок». У, как батя кипел! Стыдно за сынка было, а вот маман поддерживала сына, тоже не любила школу, даже на выпускной вечер они с отцом не пришли: мать категорически отказалась, а отцу одному идти вроде как и неудобно.

Ночь, кажется, подошла к концу – за окном порозовел рассвет... Санька обратил внимание, что за несколько часов выкурил почти пачку сигарет – это уже перебор! Чего это он так расклеился?! Подумаешь, кругом придурки! Будет и на его улице праздник! Обязательно будет...

Звонок разбудил Михаила, который поспешил с телефоном в прихожую, чтобы не тревожить жену и детей:

– Да. Кто это? Ты, Александр? Что-то случилось?

– Ты извини, что рано звоню, но у Риммы Васильевны, ну, у нашей Риммочки, у нее диагноз нехороший. Что-то там учительство собирает... В общем, через часок подъезжай ко мне, обмозгуем, что делать. У моего отца в онкоцентре связи есть. Ей обязательно надо помочь, а то она загнется – ты же знаешь, она никогда свое здоровье не берегла. Отец мой сказал, что видел ее — маленькая, сгорбленная, как старушонка, так ей ведь нет еще и шестидесяти – оно, конечно, такая болячка кого хочешь согнет... Подъезжай, мы должны помочь! Все у нее будет чики – пуки!..

Санька почувствовал какой-то неожиданный прилив сил, настроение улучшалось, хотелось что-то делать, с кем-то говорить... Он вдруг решил позвонить той, которую любил, но отчаянно боялся услышать ее недовольный голос, понимая, что она навряд ли захочет разговаривать с ним...

– Кто это? Кто это? Не молчите!

– Это я, Юлька...

– Саша, ты? Что-то случилось? У моих родителей что-то не так? Да? Они вчера не звонили мне!

– У них все в порядке! Тут это... такое дело... Римма Васильевна заболела, ну... я решил позвонить тебе... Извини, что побеспокоил.

– Все нормально, спасибо, что сообщил, я приеду, обязательно приеду, а вы с Мишкой ее одну в беде не оставляйте – я же понимаю, что если ты позвонил, то у нее серьезный диагноз! А как ты живешь?

– Хорошо живу: все у меня чики – пуки! А что мне... это ты у нас семейный человек, а я без тебя как крапива на заброшенном поле – помню, как ты обо мне именно так сказала!

– А ты, оказывается, злопамятный... Только я не замужем!

И все, она отключилась, наступила напряженная тишина, Саньке показалось, что он не только оглох, но и потерял дар речи, и почему-то стало трудно дышать – он рванул ворот рубашки... Юлька! Юлька! Юлька!..

Странная инфекция

Сашка смотрит на спящего сына, прислушиваясь к его ровному, безмятежному дыханию, потом привычным жестом быстро крестит. Ночью это можно делать не украдкой. Да нет, она вроде бы и неверующая... Но это неверие относительное. А, может быть, просто русская привычка, такая же, как не вставать утром с левой ноги, не переходить дорогу, если встретишь чёрную кошку... Ну, а осененный крест – это душевное успокоение, своего рода бальзам для вечно напряженного женского сердца, которое от страха перед житейскими передрыгами вечно колотится, как заячий хвост.

Как-то, ещё в школе, учитель истории сказал, что большинство русских женщин заражены странной инфекцией, таким своеобразным страхом перед настоящим. Помнится, Сашка тогда посмеялась над этим. А зря... Так уж сложилось, что в её жизни не было прививок от странной инфекции, и судьба (как назло!) постоянно испытывала её.

Мысли в такие вот ночные бодрствования посещают Сашку самые мрачные. Что-то может с её сыном случиться? Вот месяц назад на соседней улице девочку пьяный водитель машиной сбил насмерть. Сашка видела, как на асфальте адела кровь. И сердце её тогда не колотилось, а бухало. Она отчётливо слышала его работу: бух-бух-бух... Господи, убереги моего Ванечку, мою кровинушку родненькую!

– Да что же это я, с ума что ли схожу? О чём думаю-то? А как голосила мать девочки, как кричала! – Сашка встала, рукой в темноте безошибочно взяла с тумбочки валерьянку. Потом включила ночник и стала капать...

А мысли метались с одного события на другое, им было тесно в головокружительном ночном бессилии. Будильник показывал три часа. До рассвета осталось совсем немного. Утром будет лучше, но ночь надо ещё пережить, заглушить, загнать в самый дальний угол души тоску и боль одиночества. Женщина знала периодичность своих ночных мучений, и она всегда была бессильна перед ними.

И вся-то она нескладеха, неумеха... Всё-то в жизни наперекосяк идёт. Судьба ли это её? Характер ли такой? Господи, что это? Звуки в ванной звоном отдаются. Опять кран... Вода кажется: кап-кап-кап... Третий месяц нет алиментов от бывшего мужа. Долгов полно. Через месяц сыну в школу идти, а портфель ещё не купила. Опять же обуви приличной нет. А сама как одета? Уже около тридцати, а кажется, что никогда прилично не одевалась.

Отец был из запойных. Мать разрывалась между детьми, работой и чувством долга перед мужем, который исполняла со всей присущей ей женской стойкостью и мужеством. Избитая и униженная, она всячески уговаривала детей не обижаться на отца, он – де мужчина, кормилец. А кормилец бил посуду, колотил мать, но детей никогда не трогал, но и никогда не приласкал, подарком не порадовал. Всю свою пьяную злобу вымещал на жене. Однажды зимой, в лютую непогоду, ночью, возвращаясь с очередной дружеской попойки, умер прямо у крыльца дома – сердце остановилось. Мать как-то с надрывом и отчаянием голосила на похоронах. Сердилась на детей, что те не проронили ни слезинки.

После смерти мужа, она сразу как-то сдала, сникла, а спустя полгода... завила. Не выдержав этого кошмара, старшие братья Сашки подались к тётке перед армией в деревню, устроились работать механизаторами. Сама же Сашка после девяти классов уехала учиться в педучилище. Спустя год перевелась на заочное отделение и вышла замуж. Вскоре родила Ванечку. Фёдор не был первым её мужчиной. Первым был Роман. Эта история – саднящая рана, которая не затягивается с годами и о которой Сашка вспоминает с болью и слезами. Ей тогда и семнадцати не было. У подружки отмечали день рождения, пили вино. Она тоже тогда впервые выпила, ноги быстро стали ватными. Беспочинно улыбалась Роману, который

ей вовсе никогда и не нравился. Танцевала с ним, позволила, чтобы он тискал её в узком коридоре и мял жёсткими сухими ладонями горячую грудь.

Очнулась она в саду. Смутно вспоминала своё грехопадение, то, как Роман долго не мог лишиться её невинности, чертыхался – оба были пьяны. Сашка и не оказывала никакого сопротивления. Потом долго лежала на сухих листьях и чувствовала, как больно впилась в нежное тело плоды шиповника.

С Романом они виделись ещё несколько раз. Он пытался уговорить её ещё раз трахнуться, выражаясь его языком, но Сашка буквально возненавидела его. Потом он как-то быстро охладел и забыл о ней. Сашка тоже пыталась забыть о нём как о случайном кошмаре, но через месяц поняла, что беременна.

Вскоре это заметили и подружки. Пошли разговоры. Вот так тихоня! Вспомнили о Романе, поспешили сообщить и ему. Тот стал за версту обходить общежитие, где жила Сашка. А та решила родить ребёнка. К матери приехала на восьмом месяце, надеясь на прощение и сочувствие. Мать же накричала на неё страшно, обзывала последними словами и выгнала из дома. Сашка даже пыталась что-то объяснить матери, самому дорогому на свете человеку, но та, распалившись, в гневе толкнула дочь. Сашка как-то неудачно упала. . . . Через несколько минут её, потерявшую от боли сознание, забрала скорая. В роддоме она родила мёртвого ребёнка.

А мать так и не простила дочь. Навещала её в больнице сердобольная тётка, приехавшая из деревни. Она же потом помогла ей деньгами, помогла устроиться в соседнем городе на работу в детский сад и на первых порах привозила сумки, доверху наполненные немудрёными деревенскими харчами. Жизнь Сашки вроде бы как то начала обустраиваться. Она посветлела лицом, помягчела душой.

Как только Сашка сняла комнатку на окраине города и купила самую дешёвую мебель, то от продуктовой помощи тётки отказалась. Братья после армии вернулись в деревню. А у тётки свои девочки на выданье, так что семья стала большая.

От матери вестей не было, хотя Сашка первое время пыталась объясниться с ней письменно. Наверное, та мужа всё-таки любила, без него опору в жизни потеряла. А Сашка всё никак не могла взять в толк, что же это за рабская такая любовь, которая отворачивает человека даже от детей. . . . Сыновья приезжали к матери, но дочь она вычеркнула из своей жизни, не простив позора перед людьми. Пьянство и тяжёлые кулаки мужа прощала, а дочь возненавидела.

Бремя этого равнодушия и злости на всю жизнь легло на плечи Сашки. Каждый раз, терпя очередную неудачу, молодая женщина твердила себе, что это кара за то, что не сберегла первого ребёнка. . . .

В коллективе детского сада её полюбили. Тихая, скромная, она умела ладить с людьми. Сама много претерпевшая, с сочувствием выслушивала исповеди старших женщин. . . .

И всё-таки она была незаметной в коллективе по извечной привычке постоянно держаться в тени. Разбитные подружки одна за другой выскакивали замуж, а Сашку никто не провозжал. На квартире хозяйка, угадав её характер, старалась всячески нагружать её домашней работой. Квартирантка красила, белила, управлялась по хозяйству.

Замуж она вышла неожиданно для всех. Мужичонка ей достался задиристый, выпивоха, перекаати-поле. Сашка мечтала о тихой семейной пристани (романтические мечты наивной дурёхи!), о детях. . . .

К хозяйке приехал племянник, которому приглянулась ладная молодая женщина. Засыпать сватов было некуда, да и свадьбу не справляли, расписались, посидели вечером за столом и всё. Из деревни только тётка и братья приезжали, которые выбор Сашки не одобрили.

Молодая женщина сидела за столом смущённая и настороженная рядом с уже успевшим изрядно набратись развесёлым мужем, который весь вечер икал и постоянно твердил: «Давай

ещё по рюмочке!» Глаза его всё стекленели, и ближе к полуночи новоиспечённый муж свалился под стол. Молодой женщине стало неудобно перед родными. Тётка качала головой, а братья угрюмо молчали.

Первый раз муж избил её, когда узнал о беременности. Он считал, что они ещё не пожили для себя. Второй раз побил сильнее, и случилось это уже после рождения Ванечки, когда она, не спросив разрешения у мужа, купила себе искусственную шубку, ибо до этого в холодные зимы ходила в стареньком демисезонном пальто. И тут впервые Сашка проявила характер и, несмотря на пьяные угрозы мужа, собрала вещи и ушла в общежитие.

Мальчик рос худеньким, болезненным, а денег постоянно не хватало. Сашка днём работала воспитателем, а ночью подрабатывала нянечкой и сторожем. Сын был всегда при ней.

Так прошли годы. И были в её жизни свои запоминающиеся житейские радости: премия к празднику, покупка ковра. Даже маленькую однокомнатную квартиру она получила.

Но личной жизни у Сашки не было. Она как-то замкнулась в себе, поставила крест на тщетных попытках обрести счастье. Изредка в гости к внуку приезжала бабушка. Она поставила, часто болела, но так и пила. И с дочерью отношения не наладились. А вот к внуку бабушка приезжала с душой. Ваня был своим, рождённым в законном браке. О прошлом ни мать, ни дочь не вспоминали. Братья женились и уехали с семьями на заработки на Север, весточки от них приходили редко.... На работе в последнее смутное время разговоры крутились вокруг политики, быта, цен...

Молодые, более удачливые в жизни коллеги щеголяли в итальянских сапожках, справляли к каждому празднику обновки, а Саша по привычке брала подработки, ночные часы дежурства в круглосуточном садике, где вырос её Ваня.

Приближался особый рубеж в жизни Саши – её тридцатилетие. Она находилась в последние дни в каком-то трепетно-тревожном ожидании. Казалось бы, явных причин для этого не было, но шестое чувство подсказывало ей: что-то будет, будет...

А вот и стало светать. Саша стояла босиком на бетонном полу на балконе. Ветер приятно обвевал лицо, щекотал утренней свежестью ноздри и уставшие от бессонницы веки. Сердце восстанавливало свой рабочий ритм, приступ тоски миновал.

Женщина вернулась в комнату, выключила ночник, упала в подушку и глубоко вздохнула перед тем, как окунуться в утренний сон.

Вот она перевернулась на бок. Мышцы рук ещё зябко подрагивали, но постепенно умиротворённый сон разглаживал первые наметившиеся морщинки у глаз, расслаблял мышцы, уравнивал дыхание и восстанавливал температуру тела.

Кто бы мог видеть Сашку в такие вот минуты! Густые русые волосы рассыпались по плечам, на губах появилась лёгкая улыбка, маленькая жилка запульсировала на виске, и брови в изогнутой сладкой истоме вздрогнули. Боже мой, что снится этой маленькой чудной женщине, не оценённой мужчинами?!

Может быть, ей грезится бал, на котором она всех затмила величественной походкой? А может быть, тот единственный принц, который ищет её, только её?..

Молодая женщина потянулась во сне, руки просунула под подушку, освободив левую грудь, полную, красивую грудь с тёмным соском и нежным пушком вокруг него, грудь, познавшую материнство, но не утратившую девичьей упругости. Тётка, бывая с ней иногда в бане, любила приговаривать: «Ух, и женственна же ты, племяша!»

Неоценённая, незаласканная нежность молодой женщины погрузилась в утренний сон.

Пусть же ей снятся удачи, личные победы и хотя бы там, вдали от суеты будней, она почувствует себя совершенством. В жизни Сашка несладка, а там, во сне, она абсолютно другая....

Когда подошла очередь на получение жилья, то ей дали самую маленькую, угловую, холодную однокомнатную квартиру на окраине города. Новоселье не справляла, а купила холодильник. И это была такая радость! Такое огромное счастье! А больше ей ничего не выпадало.

Мать с детства с ней была неласкова и называла до слёз обидным словом «нескладеха», которое так к ней и прилепилось, что, казалось, стало её сутью.

Чистая, робкая душа Сашки ещё дремала. Из детской наивности и доверчивости, казалось, она ещё не шагнула во взрослую жизнь, хотя и подтянулись годочки её несладкой жизни к тридцати, у неё был свой маленький волнующий мир, центром которого являлся сын. Он перешёл в 5 класс, занимался спортом. Был высоким, красивым мальчиком, не по возрасту серьёзным. И природа была здесь бессильна: из болезненного, худенького мальчика он вырос в крепыша, который во всём помогал матери: мыл посуду, убирал в квартире. «Мужчина растёт», – с улыбкой говорила о нём Сашка.

Утро. Боже, сколько с ним связано надежд! Человечество, наверное, не ведало бы путей своего развития, если бы в его жизни не было бы солнечного утра, отметающего ночные кошмары, тоску, боль женского одиночества.

Ещё дремотная истома давила на плечи, руки, ноги, ещё тело лениво отпускало от себя ночной жар, но мурашки уже побежали по спине. Тело женщины вздрогнуло, мышцы напряглись.

Утро. Саша медленно перевернулась на спину, потянулась каждым пальчиком ног, выгнулась и... улыбнулась. За шифоньером, служившим перегородкой, ещё сладко спал сын. Какое-то предчувствие, ещё слабо осязаемое, но уже дразнящее, сулящее свет в конце тоннеля, вытолкнуло женщину из тёплой постели. Она накинула халатик и вышла на кухню. Подошла к столу, машинально переставила сахарницу с середины на край стола: она всё ещё находилась в каком-то полусонном состоянии. Резкий звонок в дверь – Сашка вздрогнула.

Она расписалась в получении телеграммы. На несколько дней раньше с днём рождения её поздравила мать. Скучные казённые слова: «Поздравляю счастья». Как говорится, кратко и содержательно. Молодая женщина горько вздохнула, но главное – не дать чувствам взять верх над разумом. Подумаешь, телеграмма... Хорошо, что мать вообще о ней вспомнила. Сашка задумалась. Она машинально налила чай, сделала несколько глотков, даже не заметив, что чай несладкий. Взгляд остановился на газете. В колонке объявлений она неожиданно прочитала: «Познакомлюсь с женщиной лет 30—35, способной любить чужих детей...» «Господи, какую только чушь не печатают», – подумала Сашка.

А почему, собственно, чушь? Может быть, стоит позвонить, попытаться встретиться с этим человеком? Ну надо же как-то изменить свою жизнь, как-то её встряхнуть. А с другой стороны, какой нормальный мужик будет в газету такое писать? И где они, нормальные мужики? Они всегда обходили её стороной.

Рука потянулась к телефону. Состоялся дурацкий разговор, иначе нельзя его и назвать: «Алло, я по объявлению». – «Меня зовут Александр». – «А я тоже Саша». – «Может быть, встретимся? Как вы на это смотрите?» – «Я ещё не готова к встрече. Но как вы рискнули в газету дать свой телефон? Идиотизм какой-то. Обычно так не делают». – «А как делают?» – «Ну, я не знаю...» – «Давайте сегодня встретимся у входа в парк. У меня в руках будет газета». – «Я подумаю».

И всё. Сашка положила трубку на рычаг. Дурацкий разговор! Бред какой-то. Надо высматривать его с газетой в руке, как иностранного шпиона.

А что там в объявлении было написано о ребёнке? Боже мой, речь идёт о детях... Следовательно, их у него двое. Наверное, уже подростки. Ещё человека в глаза не видела, а уже замуж собралась...

У входа в парк стоял мужчина лет тридцати пяти. Увидев его в толпе, она никогда бы не обратила на него внимания – самый обыкновенный на внешность, чуть сутуловатый, худо-

щавый. Глаза печальные. Сашка, бегло оценив мужчину взглядом, натолкнулась именно на эти печальные глаза. Но вот они пришли в движение, в них зажглась жизнь, появились даже какие-то едва уловимые искорки. Наверное, в тот момент именно эти глаза все и решили. Мужчина и женщина только поздоровались, ещё совершенно ничего не зная друг о друге, ещё не успели поговорить, но Сашка почувствовала, как что-то сдавило грудь и учащённо забилось сердце.

Они долго гуляли по парку, потом сидели в кафе. Говорили, говорили.... О жизни вообще, о погоде, даже о политике. Сашка чувствовала, что понравилась мужчине. И это открытие до глубины души потрясло её. Она может нравиться, быть любимой! Сашка будет хорошей женой, нежной, терпеливой. В ней столько нерастроченной любви и тепла! Из мечтаний её вывел жёсткий, с хрипотцой от волнения голос Александра:

– Наверное, чтобы сразу расставить все точки над «и» и, чтобы у вас не было иллюзий насчёт меня, я обязан признаться.... У меня трое детей. Женился я поздно. Старшему сыну пять лет, а младшим (они близняшки) ещё нет и двух лет. Год назад в аварии погибла жена. С малышами мне помогала теща, но сейчас она серьёзно больна. Мне нужна не просто жена, мне необходима женщина, которая сможет стать матерью моим детям.

Сашку потрясло это откровение. Романтическая встреча перестала быть таковой. Молодая женщина не находила в себе ни сил, ни желания на дальнейший разговор. Они сдержанно распрощались у её дома, Сашка пообещала на днях позвонить.... Она мысленно ругала себя за это авантюрное свидание. Идиотка! По газете надумала знакомиться. Дожилась.... От одиночества мозги пошли набекрень.

Через несколько дней Сашка принимала поздравления от сына, подруг и друзей, почти позабыв об Александре. С утра она варила и жарила, стол получился – загляденье. Решила блеснуть перед подругами. Застолье получилось весёлое, шумное. Мужья подруг произносили тосты в её честь, хвалили за доброту, духовную силу, желали здоровья, счастья. Много пили, танцевали.

За столом зашла речь об эмансипации женщин, о том, что у многих представительниц слабого пола характер куда более сильный, чем у мужчин. И Лялька, её любимая подруга, вдруг заявила: «Сашу жизнь так обидела, что уж лучше ей самой жить с сыном. По дому она научилась делать любую работу. Опять же, нервы никто не мотает. В обществе есть категория женщин, которым, наверное, на роду написано быть одиночками. Такие женщины поражены странной инфекцией невезения в жизни».

У Сашки даже дыхание перехватило от жестоких слов подруги. Она вспомнила, как муж Ляльки, Борис, уже не однажды оказывал ей знаки внимания, как после очередной разборки с женой пришёл к ней пожаловаться: «Живём чёрт знает как. Постоянно скандалим. А знаешь, Саня, я бы предпочёл быть тебе любовником, а не другом, хотя знаю, что этого никогда не будет. А другом ты можешь быть настоящим».

Борис иногда жаловался на истеричный характер Ляльки, даже рассказывал о своих увлечениях на стороне. А Сашка была настоящей подругой Ляльке и настоящим другом Борису. Она знала, что Лялька страстно любила мужа и готова была любого возненавидеть, кто плохо о нём отзовется. Несколько лет назад она порезала себе вены, когда одна из её приятельниц попыталась поведать о похождениях Бориса. Лялька чудом выжила, а потом ещё долго просила у мужа прощения за то, что позволила себе усомниться в его добропорядочности.

Дружба с этой семьёй тяжёлыми гири давила на Сашку. Но после очередной ссоры между супругами она каждый раз наблюдала такое страстное примирение, что с годами всё более укреплялась в мысли о том, что эти люди созданы друг для друга. А теперь вот Лялька говорила о том, чего знать наверняка не могла. Сашка так мечтала о полноценной семье, о том, чтобы у неё тоже был муж! Но счастье постоянно обходило её стороной. Вот ведь и Александр понравился ей с первого взгляда, и зажглась было искорка надежды, да только на её жизненном пути, именно на её, мог встретиться мужчина с тремя детьми...

Лялька предложила тост за любовь. Мужчины шумно поддержали её, говорили о том, что за это необходимо пить до дна...

Сашка чувствовала, что хмелеет, и вышла на балкон. Свежий вечерний воздух приятно щекотал ноздри, далёкие звёзды манили в холодную вечность; отчаянно захотелось плакать, плакать по-бабьи, с надрывом...

Вдруг она заметила огонёк сигареты. Свет, падавший от витрины магазина, освещал сутулую фигуру. «Александр!» – мысленно ахнула женщина. Она же и номер своей квартиры не назвала... Он стоял на том самом месте, где они в тот раз расстались.

Гости вскоре разошлись. Лялька заплакала, прощаясь с подругой, просила простить её, дуру, за сказанную глупость.

Александр подошёл к Сашке только тогда, когда новенький «Москвич» умчал Ляльку с мужем.

– Здравствуй, Саша. Ты так и не позвонила, и я решил прийти. У тебя, наверное, были гости?

– Были. И был для этого маленький повод.

– Я, наверное, не вовремя... Давай встретимся завтра. Соседка присмотрит за детьми. Может быть, ты сама придёшь к нам, посмотришь, как живём и вообще...

– Нет! – Сашка чуть не задохнулась от собственного крика, развернулась и почти вбежала в подъезд.

Посуду мыть не стала, быстро разделась и легла, укрывшись с головой. Подошёл Ванечка, поправил одеяло. Сашка замерла, скукожилась под одеялом, хотя в комнате было душно, её бил нервный озноб. Туда она не пойдёт, не пойдёт... Зная свой жалостливый, добрый характер, она не хотела видеть этих оставшихся без матери детей... Она не героиня, не мать Тереза... Ещё ничего и не было между ней и Александром, но увидеть его детей – значит заронить в свою душу боль. Эту ношу ей не вытянуть: сил не хватит...

И всё-таки они стали встречаться. Редкие вечерние свидания оставляли в душе Саши какую-то щемящую боль и... радость. Она помогала Александру со стиркой, уборкой в квартире. И детей женщина видела, и потянулись они к ней, как беспомощные мотыльки на свет. Но каждый раз, возвращаясь домой, к сыну Ванечке, Саша долго не могла успокоиться: у Александра трое детей. Трое!

На работе заметили перемены в Саше. Она теперь настоятельно спешила домой, тщательно следила за собой, а в глазах её появился тот особый блеск, который сразу же выдал любимую женщину. Да, Сашу любил Александр. И она привыкла к нему. В выходные дни с утра пекла пироги и на весь день с сыном уходила в гости к Александру. День в заботах пролетал незаметно. Спала крепко, сладко, сны видела волнующие и томительные. Александр реже приходил к ней, потому что не на кого было оставить малышей. И всё же у этой любви был привкус горечи: сомненья терзали душу молодой женщины. Александр настаивал на том, чтобы жить под одной крышей. Малыши так радовались приходу Саши! И надо было на что-то решаться...

Путёвка в санаторий была горящей, и Сашка решила поехать... Лялька забрала Ванечку к себе. Она, кстати, пыталась отговорить подругу от поездки, но Саше этот «побег» был просто необходим. Нужно остановиться, перевести дух, подумать...

Александр на вокзале был мрачен. Он долго молчал, курил одну сигарету за другой, а когда подошёл поезд, поцеловал её и тихо сказал: «Не забывай, пиши»

Она позвонила Ляльке через три недели и от неё узнала, что у Александра умерла тёща, а старший сын попал в больницу. Он был настолько привязан к бабушке, так любил её, что у него произошёл нервный срыв. Всё это Лялька выпалила на одном дыхании, и у Саши засало под ложечкой...

Она так и не написала Александру, и не позвонила. Встречали её Лялька с мужем. Подруга уже не касалась запретной темы, а Сашка решила для себя, что продолжения этой истории любви у неё не будет. Женщина так для себя решила. И кто кинет камень в неё, много лет спавшую в одинокой холодной постели, кое-как сводившую концы с концами при скромной зарплате, отчаянно пытавшуюся вместе с сыном создать свой мирок, где всё построено на любви и доверии? Кто осудит женщину за то, что она боится изменить этот устоявшийся быт и размеренную жизнь? Кто осудит?

Александр не приходил. Она слышала, что ребёнок выздоровел. Саша даже видела его с детьми в магазине, они выбирали игрушки. Она тогда поспешила покинуть магазин. А Лялька, самая близкая подруга, резко сказала ей: «Дура! Один раз в жизни тебе улыбнулось счастье, а ты струсила». Муж же Ляльки огорчённо добавил: «А мы, оказывается, тебя совсем не знаем».

Пройдёт ещё несколько месяцев, прежде чем Саша наконец-то успокоится. Она закончит компьютерные курсы и сменит работу. В семье появится тот достаток, что внесёт в её жизнь приятные сюрпризы: Саша сделает ремонт в квартире, поменяет мебель... У Ванечки будут отличные успехи в школе. Всё чаще в гости станет приезжать мать, которая как-то резко постарела и помягчала по отношению к дочери. И всё вроде бы хорошо... Только очень тоскливо Саше долгими ночами, когда мучает бессонница, когда душит такая тоска, что хоть волком вой.

А утром.... После душной ночи приходит ощущение пустоты, но это переменчивое настроение. Утро Сашка встречает с надеждой....

Петровна

Я думаю, что нравственное начало в человеке определяется его отношением к старикам...

Петровна долго сидела за столом, опустив голову на руки, скорбно вздыхала и думала, думала... Слабела она с каждым зимним морозным днем. Болячки, как заразы, вылезали одна за другой и мучили ее старое тело. Таблетки Петровна пила горстями. Старалась хоть как-то облегчить боль, а еще все надеялась на то, что здоровье, как по взмаху волшебной палочки, улучшится, ну, хотя бы стабилизируется... Вот так пожелала очередная медсестра, которая приехала сделать ей укол.

Слово «стабилизация» Петровне было неведомо применительно к ее состоянию. То ли оно означало как улучшение, то ли как пожелание, чтобы не было ухудшения, но во всяком случае слово это было произнесено молоденькой медсестрой (а, может быть, фельдшерницей) с таким вдохновением, что Петровна сразу поверила в обнадеживающую эту стабилизацию. Женщина была готова терпеть сегодняшнюю боль, только бы хуже не стало!

Она спустила ноги с кровати, долго откашливалась, сморкалась в выдавшую виды тряпочку, хотя штук десять новых носовых платков лежали в комод. Но вот старческая привычка беречь доброе на «потом» упрямо держала ее в тисках скупости: хорошие скатерти спрятаны, лучшая посуда – тоже, носки теплые, мягкие, именно такие она и любила, были заботливо сложены на полке. Петровна штопала старенькие носочки, шурилась подслеповатыми глазами, но шерстяную нитку в ушко иголки – цыганки вставляла без очков.

Соседки, тоже старушки, отчаянно завидовали ей и не раз незлобиво перемывали косточки. А как же! Она вдова инвалида Великой Отечественной войны, пенсия-то у нее хорошая! Опять же дети, хотя и живут далеко, но ее не забывают, посылки к празднику присылают, в гости раз в год то сын прилетит, то дочь. Оно, конечно, неведомо соседям, что вдова все денежки под матрас прячет и детям, внукам отдает. А с другой стороны, ну на что ей деньги тратить? Женщина с социальной службы продукты купит, питается Петровна хорошо: курочку любит вареную, картошечку-пюрешку, макароны с сахарком, конфетки долгоиграющие. А шоколадные конфеты внуки ей присылают. Как Петровна любит этот посылочный – раз в месяц – день! Почтальон торжественно заносит картонный коробок, который пахнет большим городом, еще чем – то приятным, недосыгаемым. А вечером соседки приходят на чай, иногда Петровна их угощает кофе. То-то разговоров в такой вечер! Вспоминают свое житье – бытие, когда еще мужья были живы, а теперь – то одни вдовы в доме.

Да и сам дом состарился под тяжестью лет и череды похорон. Состарился восьмиквартирный дом, скосбочился, даже замшел... а еще пропах лекарствами.

Петровна кое – как добралась до телевизора, включила его и стала слушать новости. Ох, как она любила слушать президента! Причем доверяла посулам каждого нового главы государства, доверяла не потому, что наивная была, а потому что являлась патриоткой. А президента почитай по телевизору показывают каждый день. Он говорит что-то, а Петровна согласно кивает.

Но оппозицию решительно осуждает: ходюте, ходюте туда – сюда, смыкаются с плакатами, тарашатся друг на друга и кричат. Как же, недовольные они властью! А сами-то вовсе не бедные. Как раздражалась женщина на таких вот людей, даже кулачком иногда грозила телевизору – кому ж еще ей грозить...

А вот и Субботний вечер! Это хорошо, потому что песни поют, народ веселят. Только вот Басков неприлично, по мнению Петровны, себя ведет. Как бы любит себя, тьфу ты, сам мелкий, а все туда же – воображала! А вот Филя – красавец! Вон как носится – то по сцене.

Высокий, яркий, голос опять же мощный и не мельтешит, как Басков, который свой голосище разменял на эстраду, а ведь мог и в опере петь.

Петровна поймала себя на мысли о том, что все это она не думает, а говорит вслух. Заговоришь тут... день-деньской одна – тоскливо! Эх, скоро праздник! Как она любила новогоднюю суету, запах мандаринов, любила готовить разные вкусности на праздничный стол. А кому теперь готовить? Да и сил никаких нет, болячки одолели совсем. Соседки вот уже который день не приходят... И посылка к Новому году не пришла... Оно понятно: у детей уже внуки взрослые, своих забот хватает. Звонили, правда, недавно, а теперь Петровна как уронила телефон, так он и не работает. Вот помрет незначай – не сразу и обнаружат...

Она зябко передернула острыми, худенькими плечами, заплакала сначала тоненько так, тоскливо, потом затряслась в рыданиях, слезы лились помимо ее воли, стекали по сухим морщинистым впавшим щекам, пропадали в старческих бороздках на подбородке...

Что ж, поплакала Петровна. Повздыхала горестно. А тоска накатывалась комом, сдавливала дыхание...

Субботним вечером разливалась соловьем Юля Началова. Петровне всегда нравился ее голос! Но теперь она сжалась в стареньком скрипучем кресле, как та облезлая курица на насесте, собрала скрюченные пальцы в кулачки и стала вслушиваться в себя: неужели это уже смерть? В глазах постепенно темнело, она перестала различать свет, все вокруг погружалось в густой, удушающий мрак, который накатывал безысходностью и животным страхом.

Каким-то фантастическим усилием воли она все-таки оторвала себя от кресла и поплелась на кухню, держась за стену, осторожно передвигая одеревеневшие ноги. Мучительная жажда прояснила разум – значит, жива, если пить хочется! Пила крупными, горловыми глотками, так что давилась, вода стекала на грудь, намочила халатик. Петровна разжала другой кулак и нащупала в кармане таблетку. Спасение! Потом она присела на стул и надолго замерла, прислушиваясь к изменениям в организме. Тоска, приступ страха отступали, уходила и боль. Но она все еще боялась пошевелиться.

Как теперь жить? Наверно, пошел последний этап ее жизни... Последний! Что ж, она давно готовилась к нему: все на смерть собрала, чтобы близкие по магазинам потом не бегали, деньги тоже приготовила, чтобы помянули по-русски, как полагается, чтобы на столе поминальной еды много было – столько еды, как на праздник. А что?!. Пожила она, хотя и трудно, но достойно, перед людьми не стыдно: детей хороших с мужем вырастили, внуки – ребята хорошие, правнуки пошли...

Вот представляется Петровне, что на ее поминальном столе колбаска хорошая, сырок, обязательно селедочка, потому как любила она ее, фрукты тоже должны быть, и чтобы было все чинно, как полагается. Господи, о чем это она думает – то? Скоро перед Богом предстанет, а о еде размышляет...

Петровна вдруг почувствовала, что подступает тошнота, но не болезненная, а от голода. Она медленно встала, подошла к холодильнику, открыла дверцу и долго стояла в раздумье. Потом на тарелку положила колбаску, яйцо и ломтик мороженого сала. Как все это приятно и так знакомо-сладко шкворчало на сковородке! Женщина зашлась слюной. Ела смачно, жадно, как будто последний раз в жизни. Потом запила теплым чаем с конфетами и тут же, за кухонным столом, задремала.

Снилось ей море, которого она за свою долгую жизнь так ни разу и не увидела – только по телевизору. Никогда не плескалась в морской воде, не загорала у Черного моря... А тут снится женщине пляж, на котором много людей, а она вроде бы идет по берегу у самой воды, так что ступнями ног чувствует влагу, ощущая такую легкость в теле! И в том, внезапном сне, светло и благостно, как бывает в церкви в религиозные праздники. И Петровна молодая, красивая, навстречу ей идет муж – живой, тоже молодой, красивый! Ветерок обдувает ей лицо влажным воздухом, и она смахивает морские капли со щек ладонью.

Проснулась Петровна внезапно, как от толчка... Лицо мокро от слез, ладони липкие, влажные, а на сердце вдруг словно благодать сошла, и стало как будто легче. Женщина пошла к шкафу, бережно перебрала аккуратно сложенные вещи, выложила теплые, мягкие носочки, платочек носовой, новый халатик... Потом умылась, переделась во все чистое, даже помадой чиркнула по губам и засмотрелась на себя в зеркало. Уже за восемьдесят давно, а годы не тронули голубизны глаз, морщинок, конечно, много, волосы вот седые совсем, но не согнулась женщина под тяжестью лет. А еще годы не посмели тронуть ее голос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.